Н. Н. Визжилин

Вечная правда

ЗАМЕТКИ О ТВОРЧЕСТВЕ БРАТЬЕВ ВАСНЕЦОВЫХ

Центральный музей В. И. Ленина в Москве.

Из окон современных московских квартир сейчас открываются не такие живописные виды, какие представали перед взором горожан, скажем, сто или двести лет назад. В наше время, чтобы восполнить их отсутствие, непременно нужно совершить поездку в какой-нибудь исторический город. В век акселерации мы словно гонимся за исчезающей красотой, где с радостью, где с удивлением открывая для себя забытые картины ушедшего времени. Действует инстинкт самосохранения — человек понимает, что стандартизация угрожает не только зданиям, но и мыслям и чувствам.

Но на какие бы «экономически выгодные», скопированные с нелучших образцов западной архитектуры здания мы ни смотрели, красота русской архитектуры неотступно с нами. Этой памятливостью мы обязаны многим обстоятельствам — мастерству русских зодчих, таланту многих художников, и в первую очередь, мне кажется, братьев Виктора и Аполлинария Васнецовых.

Сюжеты древней истории, запечатленные на знакомых с детства васнецовских полотнах, подчас наводят на мысль, что их авторы жили в стародавние, былинные времена. И хотя известно, что это не так, все же удивляешься, когда, переступив порог музея-квартиры Аполлинария Михайловича в Фурманном переулке, видишь в комнате старенький телефонный аппарат. Васнецовым, оказывается, еще в начале нашего века можно было позвонить по телефону.

Мне стало интересно, что позволило братьям не впасть в «технократический азарт», и есть ли среди картин, хранящихся в музее, полотна, посвященные другим темам, например, истории техники. Я почему-то подумал, что их не должно быть, хотя Васнецовы жили и творили в то время, когда появлялись автомобили и начинал авиаполеты смелый Блерио, — новшества, которые возбуждали тогда интерес публики никак не меньше, чем сейчас космические полеты и плавания атомных подводных лодок.

Трудно теперь сказать, какие события русской жизни побудили братьев переехать из Вятской губернии в столицу, но причина увлечения живописью несомненно была одна — любовь к России. Это ее просторами, ее памятниками, ее историей наполнены полотна Васнецовых. В них, даже самых последних, написанных слабеющей рукой, юношеская свежесть чувств, красота мира, поразительная воздушность.

Братья жили в Москве не так далеко друг от друга — Виктор Михайлович построил себе дом в Троицком переулке, там теперь тоже музей. Разговаривая по телефону, художники могли видеть из окон этого дома Сухареву башню. Живописный этюд с видом на башню до сих пор красуется в кабинете Аполлинария Михайловича. Здесь же и некоторые из произведений прикладного искусства, которые во множестве покупались им на Сухаревском рынке.

Васнецовы самозабвенно любили столицу. С ней была связана почти вся их творческая жизнь. «Только Москва, — писал Виктор Михайлович, — этот исконный центр всего родного, с детства такого близкого и понятного, сможет правильно насытить мое истосковавшееся по всему

русскому, по всей народной поэзии творчество, направить по настоящему, русскому художнику свойственному пути и направлению».

Так вот что — *древняя Москва* помогла Васнецовым спастись от стандартизации в художественном мышлении, оградила их творчество от исторического забвения...

Сегодня часто бывает невозможно составить представление о Москве начала века, когда творили Васнецовы. Нет уже Сухаревой башни, другой теперь и Троицкий переулок. Современная архитектура изменила его лицо, и лишь дом художника бередит смутное представление о некогда расположенном тут уголке «тихой Руси», как называл художник это место.

Меняется Москва, и сейчас, проезжая мимо Киевского вокзала по широкой, застроенной новыми домами магистрали, уже трудно себе представить, что именно здесь, среди ломовых извозчиков Дорогомиловской заставы, Виктор Михайлович увидел Илью Муромца — статного молодца, которого привел к себе в мастерскую, чтобы сделать эскиз для знаменитой картины.

Другие теперь и телефонные аппараты и самолеты, но не пропадает желание любоваться Кремлем, тянет заблудиться где-нибудь в Замоскворечье, чтобы пережить восторженное волнение художников и поэтов, воспевших «сказочную страну», которая называется старой Москвой.

Здесь происходят удивительные превращения наподобие тех, что случались в волшебной лавке Герберта Уэллса. Недалеко от того места, например, где начинается Водоотводный канал, стоят два здания, в одном из которых в конце прошлого века размещалась картинная галерея Цветкова, известная тогда москвичам не менее, чем галерея братьев Третьяковых.

Что дом Цветкова построен по рисунку Виктора Михайловича Васнецова — факт давно известный, но сейчас уже мало кто знает, что и другой дом, справа, лишь по прихоти хозяина дома Перцова возведен не по проекту Аполлинария Михайловича, хотя проекту было присуждено первое место в архитектурном конкурсе. Тем не менее дом Перцова тоже построен в новорусском стиле, который так пышно расцвел в Москве в то время, когда архитекторы и художники сотрудничали, что само по себе замечательно и для нашего времени поучительно.

Я много раз любовался этими домами, которые давно прописаны на страницах красочных московских путеводителей, но — слишком сильна привычка к туристическому осмотру Москвы — даже не

предполагал, что с противоположного, правого берега Москвы-реки, из унылого переулка, в который не заезжают экскурсионные автобусы, эти два дома вместе с храмом Ильи Обыденного образуют вид, способный украсить любую столицу мира.

«Профаны в архитектуре», как назвал потом Васнецовых и других художников их взглядов один «левый» журналист, создали красивейшую композицию застройки набережной.

Имя журналиста прочно забылось, но его статья навела меня на мысль, что прочитать слова «своенародных вдохновений», вписанные русскими художниками в каменную летопись Москвы, мешают нам такие вот стандартно-некрасивые переулки. Они заслоняют нам древнюю красоту наподобие прилавка, который загородил отцу мальчика Джипа вход в волшебную лавку.

Но статью «критика» я прочитал не напрасно. Она помогла мне избавиться от расхожего еще представления о том, что интерес братьев к истории древней Москвы был якобы частным вопросом, почти капризом, наподобие склонности «младшего Васнецова», как называли Аполлинария Михайловича, собирать забавные, но малопригодные для жизни вещицы...

В конце прошлого века облик Москвы стал меняться. Буржуазия опутывала древнюю красоту щупальцами доходных домов, которые строились в угоду вкусам, развращенным деньгами — идолом капиталистического мира. Дома ставились так, чтобы получить наибольшую выгоду. Квартиры, из окон которых открывались «престижные виды», стоили дороже, чем другие, поэтому и возникали «недоскребы» (так иронически называли москвичи шести- и семиэтажные дома) подчас в самых неожиданных местах, нарушая историческую застройку.

Ошибочно было бы думать, что проблема «памятник-среда» появилась в наше время. Первые градостроительные ошибки (в современном их понимании) были запечатлены еще фотоаппаратами старых дореволюционных фирм. На улицах, земли которых скупались буржуазией, немедленно возникала, по выражению Стасова, «архитектура ловких людей». Заезжие циммерманы и доморощенные мряхины уже тогда уничтожали памятники, делали их манекенами на фоне доходных домов, обращая в расхожую монету всё: историю, нравы, красоту.

Русские зодчие и художники искали выход из архитектурного тупика, обратившись к истокам древнерусского градостроительства, к народным традициям в архитектуре.

Нельзя, конечно, утверждать, что это стремление было новым. Оно возникало и раньше, но особенно ярко проявилось после Отечественной войны 1812 года, когда русское просвещенное общество, более ста лет не снимавшее западноевропейского платья, вдруг наново открыло для себя свою древнюю историю и архитектуру. «Появление Истории Государства Российского, — писал А. С. Пушкин, -(как и надлежало быть) наделало много шуму и произвело сильное впечатление... Светские люди бросились читать историю своего отечества. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом».

Вслед за Карамзиным появился архитектор К. Тон и далее целая плеяда художников, реставраторов, архитекторов, ученых, которые исступленно, как после голодных неурожайных лет, принялись вкушать и изучать все русское — историю, традиции, летописи, архитектуру.

Перелистывая сейчас страницы дореволюционных ежегодников Московского архитектурного общества, журналов «Зодчий», поражаешься обилию проектов, составленных в новорусском стиле. Среди них многие были реализованы в Москве и других городах по замыслу братьев Васнецовых. Достаточно, например, назвать здание Государственной Третьяковской галереи, построенное по рисунку Виктора Михайловича.

В архитектуре конца прошлого века четко прослеживалась, таким образом, в противовес эклектике доходного строительства, вполне определенная и ярко выраженная тенденция возрождения народных традиций. Сейчас совершенно очевидно, что художники этого круга вписали одну из самых интересных страниц в книге истории московской архитектуры.

Как оценить это направление?

Знаменитое ленинское высказывание о двух тенденциях в развитии каждой национальной культуры справедливо цитировалось едва ли не во всех исследованиях и учебниках по литературе, живописи и другим видам искусств - по всем... кроме архитектуры. А жаль! В архитектуре это высказывание получает, пожалуй, наиболее зримое подтверждение. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть, например, по сторонам бывшей Театральной площади в Москве, на которой почти в одно и то же время были построены здание магазина Мюра и Мерилиза (теперь ЦУМ) и здание городской думы (теперь Центральный музей В. И. Ленина). Символично, что память об основателе Советского государства хранит здание, построенное в русских народных традициях, и архитектурное направление это нельзя назвать иначе, как прогрессивным, если следовать смыслу и духу ленинского высказывания.

Сейчас нелепой кажется мысль о сносе, например, здания ЦУМа по той причине, что оно эклектично (эклектику тоже надо изучать, иначе анализ истории будет неполным), но не стоит ратовать и за производство стилизованных элементов древнерусского зодчества, как предлагают сейчас иные архитекторы и художники.

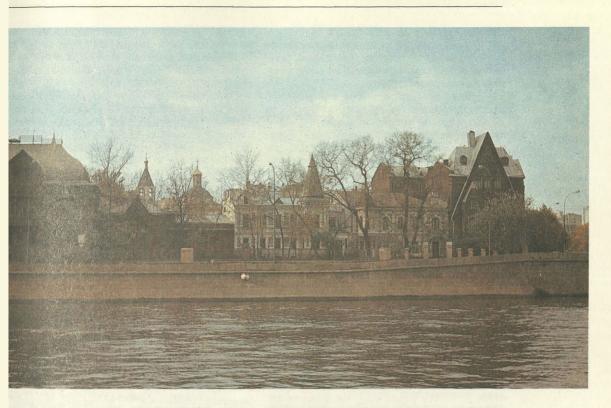
«Меняются времена — меняются кумиры!» — можно сказать, вспомнив известное древнее изречение. Теперь о памятниках заговорили все, хотя еще недавно при строительстве иных градостроительных комплексов забота о гармонии старого и нового была какой-то странной — сначала строили, а потом говорили о «гармонии».

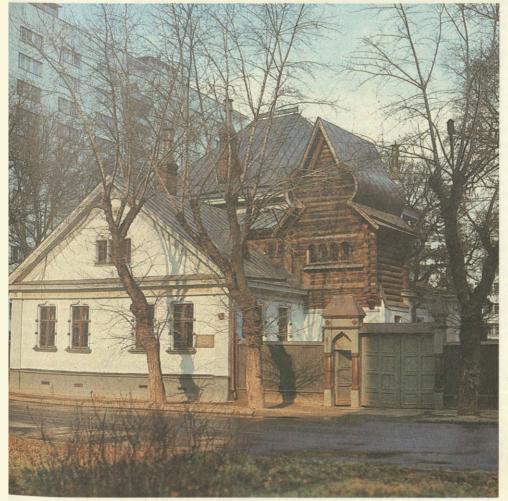
Да и не удивительно, ведь в архитектурных вузах читалось много предметов, но отечественной архитектуре до недавнего времени внимания, скажем прямо, практически не уделялось. За редким исключением к ней относились высокомерно и равнодушно, как к «тяжелому наследию». Об этом позаботились и те, кто в свое время кричал: «Исторический мусор вон с площадей и улиц!» Результат не замедлил сказаться. Выпускники архитектурных вузов приступали к проектированию зданий, имея, мягко говоря, весьма слабое представление о русском зодчестве и его традициях. Мне не раз приходилось сталкиваться с такими выпускниками, беда, а не вина которых заключалась в том, что после многих лет работы они, хорошо знакомые с правилами «инсоляции и аэрации», не могли отличить стиль «ампир» от стиля «модерн».

Такое воспитание привело к стереотипности мышления, увы, не только архитекторов. Непроизвольное повторение одних и тех же слов и поступков в отношении архитектуры прошлого приобрело на некоторое время характер повальной болезни, рецидивы которой не изжиты и сегодня.

Что же тут странного! В. Веснин предлагал в свое время «устранить в архитектуре всякие исторические ассоциации». Рассуждая о пролетарской архитектуре, он уверенно заявлял, что она «не должна заставлять нас оглядываться назад, в историческое прошлое...».

Знакомые слова. На подобные заявления В. И. Ленин отвечал: «Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Все это сплошной вздор. Пролетарская культура

Набережная Москвы-реки. Дом Перцова.

Дом-музей В. М. Васнецова.

должна явиться закономерным развитием тех запасов знаний, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества».

Сейчас благодаря заботе правительства республики возникли и кафедры реставрации и читаются новые курсы — готовят специалистов по русской архитектуре. Дипломники и аспиранты, защищающие свои работы по этой тематике, теперь не в новинку. Государство тратит огромные суммы денег на реставрацию. Все это вселяет в нас радостную уверенность, что архитектура наша не подвергнется более нападкам «ниспровергателей».

Наметилось и сближение архитектуры и живописи. Архитекторы и художники всерьез взялись изучать древнерусское градостроительное наследие, чтобы осознать, чем же отличается Москва от других столиц мира, как удавалось нашим предкам создавать удивительные по совершенству архитектурные композиции, которые покоряли красотой всех иностранцев. «Я побывал в четырех из пяти частей света... — писал в начале нашего века норвежский писатель Кнут Гамсун, - но чего-либо подобного Московскому Кремлю я никогда не видал. Я видел прекрасные города, громадное впечатление произвели на меня Прага и Будапешт: но Москва — это нечто сказочное!.. С Кремля открывается вид на целое море красоты. Я никогда не представлял себе, что на земле может существовать подобный город...»

В 1909 году вышла объемистая книжка «Москва в истории и литературе», теперь ставшая библиографической редкостью. Ни больше ни меньше как на своих пятистах страницах она представляла читателю восторженные высказывания русских и зарубежных деятелей культуры о Москве.

Васнецовы, конечно же, разделяли эти восторги, жили этой сказкой как художники и как ученые. Братья приветствовали Советскую власть, передавшую художественные ценности их законному владельцу — народу. В тяжелые и тревожные годы они продолжали работать в столице, радовались размаху реставрационных работ, предпринятых новой властью.

А. М. Васнецов несколько лет возглавлял общество «Старая Москва», собиравшее цвет русской интеллигенции, в среде которой Аполлинарий Михайлович снискал себе, заслуженный авторитет как тонкий знаток Москвы. Он не поддался моде выдумывать фантастические формы в архитектуре ни в начале нашего века, когда вместе с другими художниками выступал в защиту древних московских памятников, ни в двадцатые годы, когда за «старомодность взглядов» был удален «новаторами» из Училища живописи, ваяния и зодчества.

Он посвятил свою жизнь скрупулезному изучению русской истории и археологии. И сейчас, спустя почти 50 лет после его смерти, трудно назвать человека, ставшего бы с ним вровень по обширности знаний в этих областях.

Его квартира напоминала скорее кабинет ученого, чем мастерскую художника... Вечер, уютно светит традиционная по тем временам керосиновая лампа «матадор», сделанная в стиле «ампир». Ее свет падает на древнюю икону, которую рассматривает Аполлинарий Михайлович. На иконе снизу изображена Москва: Кремль и монастыри, а над ними, словно защищая, распростер руки русский мыслитель древности — Сергий Радонежский. Рядом с художником — мольберт с незаконченным рисунком древнего города, вокруг на стульях старые книги, планы, рукописи, археологические находки, собранные им во время строительства метрополитена.

...Сегодня у художника был трудный день. Как и раньше, ему пришлось обойти несколько улиц, забраться в подвалы многих домов, а это уже трудновато для него, ведь дело за семьдесят. Он беспокоится — трудно только созерцать, нужно передать людям увиденное, и мыслью и кистью уберечь красоту от забвения и несправедливости. Художника мучают сомнения, нужна ли его работа, нужны ли заседания в обществе «Старая Москва», хождения в Наркомат просвещения, протесты против проектов «унылых казарм», которыми хотят застроить красивейший город мира. Пожалуй, довольно! Сегодня во время прогулки он обдумывал, как выйти из состава комиссии по рассмотрению проектов новых зданий. Все это пустая трата времени...

Но взор художника снова обращается к иконописному изображению Москвы... Нет! Этот дивной красоты город должен жить, и он будет жить, покуда существуют люди. Сила его красоты побеждает сомнения, и вот совершается таинство: старческая, но еще крепкая рука простирается над холстом, и под кистью художника застывает мгновение древней жизни в образе устремленного вверх града, наполненного высокими земными человеческими деяниями и чувствами.

История Москвы из частной становится всемирной, ее древние картины перестают быть жанровой иллюстрацией рассказа краеведа, обретают глубокий смысл национальной идеи русского искусства.

Васнецовым повезло: они были свидетелями интереснейших и сложнейших событий нашей истории и в это бурное время остались верными своим взглядам, своей теме. Жизнь идет вперед, смывается шипящая пена отрицателей, и окропленное живой водой родной культуры искусство братьев Васнецовых снова оживляет человека.

Светом их таланта озарено созвездие имен классиков советской живописи.

Русский музей, Государственный Исторический музей, Третьяковская галерея — вот далеко не полный перечень музеев, экспозиции которых уже невозможно представить без васнецовских полотен — они принадлежат теперь всему миру.

Талантливые люди живут не только среди современников, они существуют вне времени, и благодарные потомки еще не раз обратятся к творчеству Васнецовых, как в год празднования 800-летия Москвы, когда были изданы их картины и рисунки с видами города — радостный

гимн великой столице.

«Этот город (Москва.— Н. В.) был незнаком Европе, — неожиданно открыл для себя в прошлом веке Стендаль, — в нем от шестисот до восьмисот дворцов, подобных которым не было ни одного в Париже... самое полное удобство соединялось здесь с блистательным изяществом». Похоже, что и нам этот город — один из самых интересных и загадочных в мире, открывается сейчас как старая, долго пролежавшая на чердаке, мудрая книга, страницы которой во многих местах исписаны чужими словами или изъедены плесенью пустого подражания разным зарубежным формам.

Красуется «град сердечный», попрежнему волнует, зовет к действию, как и сотни лет назад вселяет надежду и уверенность народам всего мира, ибо собраны в нем высокие устремления и чув-

ства нашего народа.

И этой уверенностью и памятливостью мы во многом обязаны братьям Васнецовым, как и другим известным и безымянным творцам прекрасного. Для всех, кому дорога Москва, кто озабочен сейчас сохранением ее градостроительного богатства, творческое наследие Васнецовых — бесценный источник знаний и вдохновения.

Никогда не станет человек рабом вещей, никогда не задавят его стандарты и «экономически выгодные» архитектурные пропорции. Не позволят случиться этому ни сейчас, ни в грядущем «мера и красота», заложенные в древних городах наших, талант и мастерство создателей нашей великой культуры. *С. Б. Филимонов*, историк

Общество «Старая Москва»

Так сокращенно чазывалась московская краеведческая организация по изучению истории города и окрестностей, существовавшая в 1909-1930 годах. Библиографическая, мемуарная, журнально-газетная комиссия общества систематизировали библиографические и биобиблиографические материалы по истории города; существовали такие комиссии по осмотрам архитектурных памятников, по составлению исторического атласа Москвы, экскурсионная. Эти комиссии провели сотни коллективных обследований строений, урочищ, участков Москвы, усадеб, храмов, монастырей, сел, городов Подмосковья. Мемориальная комиссия отмечала юбилейные даты в истории Москвы даже готовила «Московский мемориальный исторический календарь»; кладбищенская - регистрировала и охраняла могилы выдающихся исторических деятелей. Эпиграфическая комиссия фиксировала надписи и гербы на московских зданиях.

Общество «Старая Москва» пользовалось большей популярностью — за 21 год существования его заседания посетило более 33 тысяч человек. Деятельными членами «Старой Москвы» являлись такие авторитетные знатоки московской старины, как М. И. Александровский, К. В. Базилевич, А. А. Бахрушин, И. С. Беляев, С. К. Богоявленский, А. М. Васнецов, Н. Д. Виноградов, Н. П. Виноградов, В. А. Гиляровский, А. В. Григорьев, И. Н. Жучков, Е. А. Звягинцев, В. В. Згура, М. А. Ильин, С. Г. Кара-Мурза, Н. Р. Левинсон, П. Н. Миллер, А. В. Орешников, Н. П. Розанов, К. В. Сивков, П. В. Сытин, И. Хлопов, М. А. Цявловский, Н. П. Чулков и др. В должности председателя «Старой Москвы» последовательно состояли П. С. Уварова (1909— 1917 гг.), Э. В. Готье (1917—1918 гг.), М. Васнецов (1919—1923 гг.), П. Н. Миллер (1923—1930 гг.).